



Нидейла Нэльте





РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Нидейла Нэльте

Слепая совесть

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н95

Серия основана в 2011 году
Выпуск 298

Художник
Е. Никольская

Нэлье Н.
Н95 Слепая совесть: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 343 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2479-5

С детства на мне лежало клеймо: сын изменника. С тех пор как много лет назад отца обвинили в предательстве, большинство возможностей, открытых остальным, стали для меня недоступны. И лишь сильные способности позволили войти в личную гвардию императора.

Когда повелитель поручил самую важную миссию, охрану своей будущей жены, я возрадовался, что грехи отца наконец прощены. Могли я тогда предположить, что стану разменной монетой в играх высших? Что безнадежно полюблю ту единственную, чья аура не раздражает моего измененного зрения? И что именно мне предстоит сделать сложный выбор, разгадать страшную тайну мира Ай-Йован. Мне, Слепому Стражу скрытых земель.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2479-5

© Нидейла Нэлье, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ПРОЛОГ

*Из лекции кандидата геокосмических наук Марата Броунера
Институт внеземных цивилизаций*

Слепые Стражи — пожалуй, самые удивительные и необъяснимые создания мира Ай-Йован. Слепые в привычном смысле слова, они удивительным образом умеют видеть самую суть всего, с чем соприкасаются, и остаются, вероятно, наиболее сильной армией не только своего мира, но и всей Галактики. Слепого Стража нереально застать враспloch ни с каким оружием, а их преданность императору вошла в легенды. Именно они стоят на защите экваториальной границы Ай-Йована, и если с женщинами Йована договориться возможно, то дальше не проникал никто и никогда.

Галактическая техника и галактическое оружие выходят там из строя, а метеороидные кольца неизученной природы вокруг звездной системы не только затрудняют связь, но и делают планету неприступной для нашего оружия. Корабли теряют управление, даже полностью автоматизированные, которые будто бы должны высчитывать безопасный путь.

Имеется и еще одна странность: уникальный мир был открыт совсем недавно, планета никогда не подлежала колонизации, и остается необъяснимым, откуда на ней взялись люди, биологически абсолютно совместимые с людьми Земли.

Связь с последним кораблем Альянса, который женщины Йована допустили на материк, оборвалась чуть больше десятилетия назад. В течение нескольких лет посланникам удавалось сохранять дружественный контакт с местными жителями, и вот в один момент все рухнуло. А двойной мир остается для нас загадкой и по сей день.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Медленное, плавное пробуждение после длительного, многолетнего сна. Состояние накопления информации прервано смутным ощущением тревоги, пришедшим по ниточкам, которые она недавно научилась различать.

Образы постепенно стекаются, группируются, расстановливаются на места. Теперь она знает гораздо больше, чем тогда, много лет назад. И все равно недостаточно.

Но медлить нельзя, необходимо успеть. Быстрое сканирование пространства помогает определиться с направлением и внешностью. Цель пока еще туманна, но с приближением прояснится.

Она выныривает из состояния покоя, трансформируется, приобретает женские черты. Здесь и сейчас это наиболее выгодный облик.

Охотница выходит на охоту...

Дарсаль

— Скажи, Дарсаль, готов ли ты служить без остатка? — Впервые ритуальная фраза из уст самого императора звучит лично для меня.

Преклоняю колени, склоняю голову, сдерживая поднимающуюся в душе радость:

— Всегда, мой повелитель. Все, что потребуется.

Слепые Стражи не могут видеть императора — только бесцветным обликом, но сегодня мне не удалось нащупать даже его взгляд. Как и положено, не размышляю об этом. Мое призвание — служить, и ничего более.

— Хорошо. — Иллариандр отступает от этикета, наверное, это добрый знак.

Опускается на массивное сиденье — гибрид трона и удобного кресла, то ли рассматривая меня, то ли советуясь с мен-

тальщиками. Ощупываю взглядом доступное из моего положения пространство. В зале, кроме нас, никого, хотя в одном из углов чудится скрытое движение. Оно не несет угрозы, отсвечивая незримой меткой императора, поэтому молчу.

— Хорошо, Дарсаль, — повторяет Иллариандр слегка изменившимся тоном, на ум приходит картина сложенных в замок рук, небрежно вытянутых ног. — Тебе поручается особая миссия. Ты поедешь со мной в Йован. За будущей императрицей.

— Счастлив служить, мой повелитель!

Мне с трудом удастся скрыть изумление. Женщины, рожденные в Айю, не могут зачать от императора. Что-то происходит с их аурой, она покрывается разводами и деструктивными узорами. А кроме того, на женскую ауру нельзя поставить метку императора.

Поэтому по давней традиции жену, мать наследника, он привезет из второго мира Ай-Йована — мира Йован, где правят женщины. А мне, видящему не внешность, но суть, предстоит проверить, достойна ли его избранница стать императрицей.

— Выбирай хорошенько, Дарсаль. Ты будешь отвечать за нее.

— Конечно, мой повелитель.

Я бы даже помыслить не мог выбрать плохо, не приложив всех знаний и умений! Но фраза «отвечать за нее» — ритуальная. Неужели мне предстоит стать личным стражем императрицы?!

— Свободен, Дарсаль.

Киваю по этикету, поднимаюсь. Прощаюсь с императором. В зал кто-то входит — слышу запах мужских благовоний, вижу метку на ауре, с ней порядок. Настраиваюсь, тонкая линия безопасного пути, сияющий контур двери и других выходов, какие нас обучали видеть. Покидаю тронный зал.

С тех пор как много лет назад отца обвинили в измене, большинство возможностей, открытых с детства Слепым Стражам, стали для меня недоступны. Лишь сильные способности, из-за которых восьмилетнего мальчишку некогда забрали на обучение вопреки родительской воле, позволили сыну изменника войти в личную гвардию императора Иллариандра.

Император никогда не выделял меня среди прочих. В то время как бывшие соученики давно уже обзавелись собственными отрядами или получали личные секретные задания, мне пришлось смириться с тем, что так и останусь навсегда лишь

рядовым Стражем. В любом случае это почетнее, нежели стеченье границы.

И вот теперь... Личный вызов императора! Возможно, он увидел мою верность, возможно, ментальщики наконец сняли с меня наблюдение, убедившись, что я абсолютно предан Айю! Сердце радостно стучит, как в далеком детстве, когда мир еще был полон ярких красок, не скрытых особым зрением Слепых Стражей.

— Поздравляю, Дарсаль.

Надо же, я почти расслабился. Давно со мной такого не случалось. Не пропустил приближение императорского распорядителя, но позволил положить руку на плечо. Поворачиваю к нему лицо, чуть прищуриваюсь. Такой взгляд моих незрячих глаз всех пробирает. Уж не знаю почему.

— Э-э-э... простите, эр Дарсаль. — Викерий резко убирает руку, красно-коричневые язычки страха пробегают по ауре. Грязно-зеленая змейка недобрых мыслей. Усмехаюсь — моя усмешка тоже не сахар, за все годы пренебрежения и подозрений натренировал. — Эрлар Иллариандр велел ознакомить вас с предстоящей поездкой, выдать дополнительные комплекты формы и оружия...

— Ознакомь, — соглашаюсь я.

Аура передает несмелый кивок, желтые заискивающие струйки стелются из губ. Отворачиваюсь. Тошно.

Будто кто-то не знает расписания поездки или своих обязанностей. Слушаю, в чье подчинение меня отдадут. С удивлением обнаруживаю: фактически подчиняюсь только Лийту, командиру Стражей, отвечающему за безопасность всего похода. Да и то с большими привилегиями. Практически неотступно буду при императоре. Рассматривать для него девушек, не иначе.

Снова криво усмехаюсь, ладони привычно жжет. Даже смотреть не нужно, чтобы увидеть свечение, которое от них исходит. Викерий слегка отступает:

— Эр Дарсаль, я вас чем-нибудь разгневал?

— Нет.

Не люблю длинных разговоров, голова потом болит от разноцветия темных мыслей, которые проносятся в ответ у собеседников. Наверное, хорошо, что они не знают, как мы их видим.

Распорядитель заводит меня в свою приемную. Люблю, когда они говорят заученное. Речь стелется ровным фиолетовым фоном. Красота.

Озвучивает маршрут, количество сопровождающих и что там еще необходимо знать Стражу. Наконец подает бумагу. Внизу сияет желтая метка печати, снова вызываю омаа — свечение пальца, на этот раз контролируемое. Прикладываю к ней, пока узор не складывается в мою личную метку. Подпись поставлена. Проверяю на ощупь все выданное в дорогу, оставляю лир для посыльного, чтобы доставил домой. Ухожу под облегченный голубой дымок.

У меня всего пара дней, хотя поездка в Йован планируется уже давно, декады три. Правда, об истинной цели не говорится. Пресекаю мысли о том, почему меня позвали в самый последний момент. Не положено Стражу об этом задумываться.

Медленно прохожу через двор в сторону спален Стражей. Они в отдельном здании, каждые апартаменты специально изолированы. Иначе из-за обилия информации мы не смогли бы отдыхать.

Светящаяся нить безопасной дороги — остальные, сейчас не нужные, притушены. Желто-зеленые проблески деревьев. Впрочем, деревья не спутаешь и по запаху, даже каждая ветка пахнет особенно.

Навстречу один из наших, белый свет глаз, улыбаюсь слегка — он увидит легкую дымку. Наверное, зря я, только недоумение вызвал. Не привыкли меня улыбающимся видеть. Ухожу не оглядываясь.

Ноэлия

— Ли! К тебе Тересия!

Ох! Подскакиваю, бегу к двери, в последний момент притормаживаю.

— Иду! — отвечаю.

Мадам Джанс не будет рада, если выскочу как есть, она всегда внушает нам, что женщина должна в любой ситуации быть спокойна и опрятна. В детстве меня часто лишали сладкого за порванные штаны, сбитые коленки и спутанные волосы. Зато теперь, не глянув в зеркало, не выхожу.

Наскоро придаю себе приличный вид, меняю любимые мной брюки на любимое наставницами платье. Пытаюсь идти степенно, но губы так и растягиваются в улыбке. Все-таки Тересия редко приезжает! Мне было лет десять, когда она меня нашла в пансионе мадам Джанс. Втайне я мечтала, что она окажется какой-нибудь дальней родственницей и заберет меня домой, а сейчас понимаю, какое это счастье, что она вообще появилась! Редкие звонки, письма, подарки на праздники...

Просто одинокая пожилая женщина, которая захотела поддержать оставшегося без родителей ребенка. У многих моих подруг и такого нет.

Тересия ожидает в нижнем холле, в излюбленном кресле, некогда белоснежном, но давно уже истертом сотнями посетителей. Бросаюсь к ней, обнимаю, привычный запах сушеных трав, лимонной цедры и такийского табака, который она набирает в трубку.

— Как же я соскучилась, тетушка Тересия, вас так давно не было!

— Ну, стрекотуха моя, ну, милая, хватит, — улыбается Тересия, шутливо отмахивается, вокруг глаз и губ собирается сеточка морщин. — Идем погуляем, моя хорошая.

Радостно соглашаюсь, хотя, наверное, снова о будущем расспрашивать начнет. «Ты уже взрослая, Ноэлия, мадам Джанс тебя не выгонит, конечно, но сама ведь понимаешь, как накладно содержать молодую женщину. Пора бы задуматься, я-то тебе помочь вряд ли смогу, но в твоём возрасте уже многие связи полезные заводят, а у тебя все ветер в голове...»

Но я согласна и на расспросы, испугалась в прошлый раз, что Тересия обидится, не приедет больше. Пусть хоть три часа рассказывает о гранте имени мадам Май для талантливых, все вынесу!

Тересия, как обычно, ведет меня в кондитерскую. Завистливо смотрю на проплывающие по воздуху машины — говорят, они всего пару десятков лет как появились. Вроде бы прилетал какой-то корабль со звезд, пытался наладить контакт, продал необычные технологии. На другой стороне, в мире Айю, они не приживаются, не работают — наши женщины пытались продавать машины императору, но вынуждены были вернуть все вырученное золото.

— Лия, ну чего застыла!

— А? — спохватываюсь я.

И правда, встала посреди дороги, в небо смотрю. Как там, на других планетах, интересно? Почему-то представляется гигантский... как он называется — корабль? Больше всего пансиона мадам Джанс. Металлические переборки, огни индикаторов... Качаю головой — откуда эта буйная фантазия?

— Может, мне все-таки в конструкторы пойти? — догоняю Тересию. — Жаль, что у мадам Джанс нас ничему подобному не учили, где мне деньги взять на подготовку?

— Ну что ты заладила? — ворчит Тересия. — Это черная работа для мужчин, — с легким пренебрежением. — Тебя же учи-

ли всему, что может понадобится женщине, а уж если повезет замуж выйти!..

Вздыхаю. Зря я волну тетушку, знаю же, как она считает. Раньше все пыталась спорить, что если бы все женщины песни пели да картины рисовали, то кто политикой занимался бы? Там ведь тоже женщины! На что неизменно получала ответ, мол, нечего в такие дали заглядывать, не про нас общество. А сейчас молчу. Кто еще меня вкусностями накормит? У мадам Джанс все каши да овощи.

Помню, как тетушка впервые привела меня сюда, и ведь ничего не изменилось! Маленький домик, резные окна, деревянные столы в виде сердечек, белые скатерти, свечи вместо ламп.

— Эх, Ноэлия, — вздыхает Тересия, — когда ты уже перестанешь жить в мечтах. Ну о чем вот опять задумалась?

— О космическом корабле, — говорю мечтательно. Лицо тетушки вытягивается, она пристально смотрит. И почему ее всегда так настораживает, когда я об этом заговариваю? Стараюсь рассмеяться: — Ну замуж же мне с моей внешностью не выйти! А вдруг там, на звездах, все иначе, и мужчин не нужно воровать, чтобы...

— Лия! — шипит тетушка. — Ну что ты говоришь такое!

Смущаюсь, ну ведь правду рассказывают, что на границах иногда воруют мужчин из Айо, наших-то на всех не хватает, а уж родить мальчика — вообще счастье. А у них все наоборот... Раньше я недоуменно спрашивала, почему мы не объединимся? Богатые мужчины Айо тоже ездят к нам покупать невест. Наивному ребенку казалось, что он придумал такой замечательный, самый лучший выход! Теперь уже не кажется, конечно.

— Послушай, моя хорошая. — Голос тетушки снова ласков, но взгляд насторожен. Целую морщинистую руку, прижимаюсь к ней щекой. Прости, родная, не буду... Улыбается. — Ноэлия, пожалуйста, я тебя очень прошу. Не ходи смотреть на приезд императора и его свиты, слышишь?

— Почему? — недоумеваю я.

Тетушка уже говорила об этом, да я как-то значения не придавала, думала, просто волнуется.

— Вообще никуда не выходи, опасно это! — ворчит тетушка, снимает широкую черную шляпу, достает трубку, нервными движениями начинает утрубовывать табак.

Оглядывается, чтобы убедиться, что мы одни. Раскуривает несколько минут старой зажигалкой — кажется, из тех, что стали делать с появлением пришельцев.

Жду, смотрю на нее, улыбаюсь, с наслаждением вгрызаюсь в мягкое пирожное.

— И вообще... — Гладит меня по волосам, сколько я из-за их непривычного медного оттенка наплакалась! Ни у кого такого нет, только у меня, чем не повод мальчишкам дразниться... тем двоим, что живут неподалеку, за которыми все девчонки ближайших кварталов гоняют. — Хорошенькая ты, глупая, а кто думает иначе — его заботы. Пообещай, что не пойдешь. Они наверняка за женщинами едут, император же молодой там. Знаешь ведь, недавно его родителя хоронили. Увезут в чужой мир, поверь старой мудрой тетке, далеко от дома да с чужими тяжело, ни заступиться некому, ни помочь... Поберегись от греха подальше, ладно, лапушка?

Киваю. Кому я там нужна-то, а ведь интересно хоть одним глазком на имперский кортеж взглянуть, они же небось на своих страшных животиных будут, машины-то у них не ездят! Но Тересию тревожить не хочу.

— Не дайте боги тебе попасться на глаза Слепому Стражу, считай — пропала! — запугивает Тересия. Стараюсь не хихикать. — Что смешного? — ворчит она.

— Так что мне его глаза, если он слепой?

— Ох, дурочка глупенькая, их глаза видят глубже, чем твои, и следы на наших душах оставляют, потом ничем не смыть. Да послушай же ты меня, посиди, показывать ведь будут, насмотришься!

Да, экраны, изобретенные давно, с приходом инопланетных технологий стали и вовсе замечательными. Даже мадам Джанс повесила один такой у себя в холле, столько интересного увидеть можно!

— Глупенькая моя, оттуда даже позвонить нельзя, вся связь через ментальщиков проклятых. Пообещай, моя красавица. Было бы куда, забрала бы тебя, да ведь они повсюду рыскать будут...

Дарсаль

Нужно бы попрощаться, да не с кем. С Лексием разве что.

Он нашел меня несколько лет назад. Сказал, не узнал сразу — зато я узнал его цветную ауру. Не то чтобы ровную и гладкую, но по большей части чистую. Друг детства. Еще того, беззаботного, зрячего детства...

Настраиваюсь, контакт выходит сам собой. Хорошо, что мы не нуждаемся в посредничестве ментальщиков. А у женщин, говорят, есть специальные приборы связи, которые на нашей стороне мира не работают. Посмотреть бы... жаль, не увижу.

«Дарсаль? Тебе что, делать нечего? — Доносится женский смех, характерные частые выдохи. — Как ты всегда умеешь время подбирать!»

«С тобой когда ни свяжись — рискуешь», — хмыкаю я.

«Что хотел?» — Похоже, останавливаться не собирается. И не надо.

«Уезжаю, — говорю. — Попрощаться».

Пауза.

«Скоро буду». — Совсем другой ментальный тон.

Киваю, забывая, что ему меня не видно. Может, тоже навядаться напоследок в заведение Бесстыжей Палми? Правда, после ее «девочек» сутки отмываться хочется. А ведь туда особенных отбирают, для таких, как мы.

Лежу, закрыв глаза, развлекаюсь со своим омаа — то усиливаю свечение, то убираю, пока не начинает печь ладони.

Женские шаги под окном. Идет ко мне, поэтому замечаю сразу. Настораживаюсь. Что могло понадобиться Шарассе, нынешней фаворитке императора? От ее буро-багровой ауры исходит лишь алчность с вожделием. Будь я личным Стражем императора, непременно предостерег бы. Впрочем, возможно, Ивен тоже предостерегал. Не моего ума дело.

Шаги в галерее, даже сквозь изоляцию проскальзывают змеи ее эмоций. Приходится подняться, с фаворитками выших лучше не ссориться.

Отрывистый стук в дверь. Притвориться, что ли, будто меня нет?

— Эр Дарсаль, я знаю, что ты здесь. Открывай! — доносится резкое.

Отхожу к окну, отправляю луч омаа. Специально настроенная дверь отворяется, пропуская Шарассу.

Говорят, она красива и умна. Я же вижу лишь паутину интриг вокруг корысти. И упоение от этого. Запах дорогих духов, изящно сплетающийся с ее собственным. Пахнет она, пожалуй, неплохо.

— Слушаю вас, шри Шарасса.

— Тебя не учили поворачиваться к тому, с кем говоришь? — Черные языки недовольства.

Оборачиваюсь, выпускаю омаа из-под век, немного, так, чтобы отступила. Красно-коричневый страх под серой оболочкой. Хорошо держится.

— Стражу нет нужды смотреть на собеседника, шри.

— Может, знаешь, и с чем я пришла?

Пренебрежительный тон неприятен. Но молчу, какого мне еще ожидать? С предложением ты пришла, боишься милости императорской лишиться. И Слепым быть не нужно, чтобы понять.

— Откуда мне, шри.

— Для тебя госпожа. Дарсаль, я хочу поговорить. У меня... предложение.

— Слушаю вас, шри Шарасса. — Ты мне не госпожа. И уже не станешь, скоро у нас появится новая императрица. Придется подвинуться и довольствоваться тем, что предложит Иллариандр, сама понимаешь.

Понимает. За тем и пришла.

— Дарсаль, Иль едет за невестой? — спрашивает грустно.

Голосу поверил бы, но что делать с оранжевыми искрами притворства? И это фамильярное «Иль»...

— Запрещено говорить, — отвечаю я.

— Дарсаль, — холодно. Меня твои гримасы не впечатлят. Может, и подействовали бы, если бы видел. — Я знаю, что это так.

Зачем тогда спрашиваешь?

— И знаю, что не смогу дать императору наследника. Но во всем остальном... собираюсь остаться на своих позициях. И мне нужна твоя помощь.

Она вдруг приближается, кладет руки на плечи.

— Говорят, у Стражей с женщинами непросто, — шепчет. — Я подарю тебе удовольствие, какого ты никогда не испытывал!

С трудом сдерживаю омаа — еще не хватало, чтобы у фаворитки императора нашли следы моих ожогов. Докажи потом, что не прикасался к ней. Убираю ее руки с плеч.

— Надеешься избавиться от меня? — Кажется, весь омаа выплескивается через глаза и губы. От моего вида и тона она отступает, по серой оболочке змеятся багряные трещины — страх пробивается. Не нужно было тебе сюда идти, Шарасса. — Доложить императору о предательстве?

— Нет. — Отпечаток движения, отворачивается.

Вся спина переплетена, ни одного уязвимого места. Ни на миг не расслабляется, все продумала. Не нравится мне это.

— Дарсаль. Ты знаешь, как шатко твое положение. Я могу дать ответы, которые ты ищешь. И защиту, в которой нуждаешься.

Странно, но она не лжет. Действительно, у нее что-то есть. Нашла, гадина.

Желание узнать едва не затмевает способность размышлять. Беру под контроль омаа, даже веки прикрываю, но все равно ощущаю рвущийся сквозь них белый свет.

— Я сам защита, — отвечаю.

— Дарсаль, ты же не хочешь стеречь границы? Или пойти на откуп женщинам Йована? Могу устроить, поверь.

— Что тебе нужно? — спрашиваю. Верю. Подстилка императора и не такое может.

— Не слышу почтения, Дарсаль.

— Что вы хотите, госпожа? — Иду на уступки, с неприязнью осознавая, что на данный момент мне с ней не соперничать. Может, если исполню миссию...

— Ты должен проявить смекалку в выборе невесты.

— Это невозможно, госпожа. Любой мой недочет разглядят другие Стражи.

— В таком случае, Дарсаль, ты должен во что бы то ни стало стать ее личным Стражем. Она должна доверять тебе, как и император. Если сможешь — я скажу, что делать. Если нет, границы всегда нуждаются в патрулировании. Не забывай.

— Я помню, шри Шарасса.

Надеюсь, тебе недолго оставаться фавориткой. Аура императрицы должна быть безупречной, другую просто не потерпят. Надеюсь, ей удастся затмить тебя в сердце Иллариандра. Надеюсь, окажешься в заведении Бесстыжей Палми. Говорят, бывшие фаворитки там пользуются спросом. Улыбаюсь, хоть и утопия. Не с твоим положением.

Шарасса передергивает плечами — льдинки в ауре осыпаются, растворяются.

— Не вздумай состязаться со мной, Дарсаль.

— Что вы, госпожа.

Это мы еще посмотрим.

— Ты знаешь, что я говорю правду, Дарсаль.

Знаю. Что бы ты там ни плела, но синие кляксы правды видны отчетливо. А вот пятен предательства, к сожалению, не заметно. Впрочем, тогда тебя и без меня отлучили бы.

Сигнал от входа — Лексий. Открываю вопреки недовольству Шарассы. Едва уловимый порыв ветра, сразу легче дышать. Ушла.

— Ого, какая красотка, — хмыкает Лексий, лишь только дверь за гостьей затворяется.

Пожимаю плечами. То, что мне видно, скорее уродливо. Но молчу, нельзя так о фаворитке.

— Куда едешь? — Лексий плюхается на диван, радужные волны по ауре.

Он всегда был безудержно веселым, что бы ни происходило.

— Йован.

— Так и подумал. — Кивает, струи беспокойства. — Будь осторожен. И... на вот, возьми.

Протягивает что-то, чего не могу рассмотреть. Приближаюсь, сажусь рядом, беру в руки. Ощупываю скользкий гладкий клубок.

— Мне нельзя, ты же знаешь, — вздыхаю я.

Работа такого мастера охраны, как Лексий, дорогого стоит. Но Стражам императора ни за чем нельзя скрываться.

— Знаю. Просто возьми с собой. Вдруг пригодится. Настроена на тебя, как только примешь — сразу же заработает.

— Спасибо, — говорю я.

Иногда думаю, что такой друг — это дар усовестившейся судьбы. После всего, что сотворила.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ноэлия

— Лия, ну ты идешь? — Нетерпеливая Алма стучит в дверь.

В последний раз бросаю взгляд в зеркало, поправляю выбившуюся прядь, приглаживаю одежду. Отворяю, ожидаемо встречая удивленный возглас:

— Ты чего в брюках? Разве не знаешь...

— Знаю, «брюки — рабочая одежда, уважающая себя женщина никогда не будет их носить, разве в случае необходимости», — цитирую наставниц. Красотка Алма при полном параде, черные глаза подведены, ресницы в три раза длиннее обычного, платье по фигуре, туфли, волосы распущены по плечам четко дозированными локонами. — Мне с вами не сравниться, да и... — Замолкаю, прислушиваясь к шевелениям совести.

Ведь обещала же Тересии. Ну я же только издалека, одним глазком! И я в брюках, и вообще... ну все же девочки идут, всем же любопытно! Даже мадам Джанс разрешила... Да я вовсе на

крышу вылезу, спрячусь, мне бы только глянуть на наездников, да на их бурвалей страшных, да... да на стольких мужчин одновременно!

— Я обещала Тересии не ходить, — вздыхаю. — Поэтому на площадь с вами не пойду, так, немножко пройдусь... на город гляну.

— Как знаешь! — Им уже надоело меня уговаривать. И хорошо.

В холле собрались все девчонки постарше, группками — кто с кем дружит. У меня никогда не было слишком близких подруг, но, с другой стороны, и не враждовали.

— Девочки, дорогие мои! — напутствует в последний раз мадам Джанс. — Пожалуйста, будьте благоразумны. Понимаю, для вас это диковинка, последний приезд мужчин Айо к нам в Иштар случился лет десять назад, ох, сколько женщин понесло! Плодородный был год. Имейте в виду, я закрою глаза, если вдруг что, дети всегда нужны, а мужчины у нас редкость. Я и сама-то родила Салию после одного из таких приездов... — Мадам Джанс мечтательно закатывает глаза. — Жаль, не мальчишку, вообще беды не знала бы. Но все ж дитя, свое, родное, без стояния в очереди и выкупа разрешения, как для прочих незамужних. Девочки, к чему я это повторяю. Ребенка уж как-нибудь вырастим, а вот обещаний не вздумайте давать, не советовавшись со мной! Да и вообще не вздумайте. Когда мужчины ухаживают, это просто непередаваемое блаженство, а они там научены! Но не дайте вскружить себе голову, силовать вас никто не станет, но и детей оставлять нам они не жадут. У них ведь тоже не все гладко. Будут обольщать и уговаривать. Но я никому не советую уезжать из Йована! Поверьте, лишь только окажутся на своей территории, все сразу же переменится, и будете там томиться почище пленниц!

— А императрица? — рискует кто-то спросить.

— Императрица, конечно, другой разговор. Но вы должны понимать, что шанс стать императрицей ничтожно мал! Мы не знаем, как они выбирают, поэтому повлиять не можем. А остальные, что бы ни обещали, — не императоры, поэтому включайте думалки! Не позволяйте эмоциям и гормонам вас одолеть! И ни в коем случае, слышите — ни в коем! — не соглашайтесь стать женщиной Слепого Стража! Впрочем, они редко выбирают женщин, но были случаи, когда после них у девочек оставались страшные ожоги, и ка-

кой там ребенок — еле вылечить удавалось! Вообще забеременеть не могли.

Почему-то пробирает мороз по коже, словно мрачное предчувствие. Да что со мной? Может, правда, не идти?

— Неужели управы никакой нет? — хихикает Алма.

Мадам Джанс смотрит тяжелым взглядом:

— Есть управа, но у высших леди, да они почему-то не спешат управляться, значит, и нам нужно смотреть на тех, кто знает, и поступать так же. Это единственный запрет, не связывайтесь со Стражами! Ну идите уже, красавицы мои, развлекайтесь!

Ох, сколько народу на улице, и все такое нарядное, праздничное! Как давно к нам посланцы Айо не ездили... А женщины-то! Всех возрастов и сословий, ну кроме высших леди, хотя, если приглядеться, и их тонированные гравикары можно заметить. Импортное словечко, завезенное к нам с далеких планет.

Поднимаю голову, разглядываю небо — день сегодня солнечный, даже Раум, наш спутник, не виден.

Людские ручьи и целые потоки стекаются к главной площади, где будет проходить торжественное шествие, прежде чем отправится в правительственные кварталы, в специальный огромный особняк, в котором всегда останавливаются посланники Айо. Туда простому люду дороги нет.

Почему-то не верится, что на выбор императора невозможно повлиять, наверняка давно уже все решили, сговорились. Укрепляют союзы, отобрали какую-нибудь высшую, специально обученную и подготовленную. А остальное — сказки для простых смертных.

Прощаюсь с девчонками у одной из кривых старинных улочек. Им не до меня, вытягивают шеи, привстают на цыпочках, желая получше рассмотреть и подальше пробиться.

Укол тревоги колет сердце, или это снова совесть шевелится, уговариваю ее, что мы ничего плохого не делаем, только ведь посмотреть...

Пробираюсь живописными проходными дворами — район здесь старый, еще с прошлого века домики один к другому жмутся, небольшие, всего в несколько этажей, мхом и виноградом заросшие. Клеочут птицы, клумбу пересекает важный пушистый кот. Вдыхаю полной грудью, так хорошо на улице! Чудесный же день...

Иду дальше, где дома повыше, более современные. Нахожу знакомый подъезд с выходом на пожарную лестницу, огляды-

ваюсь — никого, все на площади. Поскорее влезая на крышу, с нее на следующую, когда-то было так любопытно — все здесь облазила. Ближе скорее всего подходить нельзя, там наверняка какие-нибудь снайперы будут и прочая охрана. Нахожу местечко, с которого хоть как-то видно, настраиваю бинокль, прячусь за кирпичным выступом. Жду.

Долго жду, солнце давно перевалило через зенит, пестрая толпа внизу колышется, у меня уже и ноги затекли, и желудок от голода сводит. И крамольные мысли, а может, ну ее, эту процессию? Может, правда по экрану потом посмотрю? Только жалеть ведь, наверное, буду о собственной лени, это ж, возможно, единственный раз в жизни! Когда там император снова сменится или овдовеет...

Наконец шевеление, толпа колышется, плывет, людские волны перемещаются, обозначая направление движения процессии.

Видно плохо, точка не слишком удобная, ну уж как есть. Вглядываюсь в бинокль, пытаюсь побольше охватить. Впереди отряд на бурвалах — огромных рогатых животных черной и бурой расцветки, целая колонна. Потом кортеж колесниц, запряженных теми же животными, в три ряда — сколько на улицах уместилось. Экипаж императора посередине, сразу выделяется богатством убранства и размером, на солнце драгоценными камнями сверкает. Впереди верх откинут. Самого правителя не вижу, только фрагменты яркой, похоже, чем-то расшитой одежды. Несколько мужчин вокруг в одинаковой форме — охрана, наверное. По сторонам смотрят, опасность, что ли, выискивают. У меня уже шея болит и ноги устали вытягиваться. Пора, наверное. Вечером гулянья, но я на них не пойду. Тересия зайти обещала.

В последний раз оглядываю удаляющиеся экипажи. Один из охранников вдруг оборачивается, инстинктивно прячусь за выступ. Ему меня не заметить, конечно, даже мне его в бинокль не разглядеть как следует, но почему-то тело словно прошивает ужасом. Выдыхаю, снова осторожно выглядываю, да уже не видно ничего, только крупы буравлей задних шеренг. Это все Тересия с ее запугиваниями виновата!

Дарсаль

Повозка-фертон императора медленно въезжает на центральную площадь Иштара, столицы Йована. Стражи по кольцу на платформе вокруг, только мы с Ивенем за спиной повелителя. Ивен молчит, не проявляет эмоций, весь омаа скрыл.

Почему-то кажется, что не слишком доволен моим обществом. Его проблемы. Тоже молчу.

Радуюсь, что мне не нужно патрулировать, можно приглушить лишние цвета и настроиться исключительно на опасность. Моя работа начнется позже, а пока ребята охраняют, заодно осматривая ауры. Где же лучше всего выбирать, как не в такой толпе. Чистые цвета сразу видны. Мало их.

Стоящий справа Марис вдруг резко вскидывает голову, невольно слежу за его движением. Там, на крышах домов, чудится яркая синяя вспышка. Заставляю себя переключиться на людей, мимо которых проезжаем, сжимаю рукоять меча-омаа. Мы с Ивеном отвечаем за безопасность императора.

Но опасности нет. Разноцветное любопытство, у кого искреннее, у кого злобное, с примесью ненависти или зависти. Четкие линии выставленной охраны — у женщин здесь все продумано и предусмотрено. Смертельных побуждений не видно.

Пересекаем площадь, толпа начинает редеть. Какое облегчение.

Проезжаем цепь охранниц: кажется, ворота. Какие-нибудь кованые, наверное, чувствую лишь едва уловимые штрихи. Едем еще с четверть часа, редкие прохожие да сопровождающие в воздухе машины.

Наконец огромный особняк на берегу речной запруды — вода еле движется, почти не отображаясь. Встречают безликие женщины с однотипными мутными аурами. Служанки, что ли. Улыбчивые, голоса мягкие, но Слепым Стражам они неинтересны. Доводим императора до личных покоев, осматриваем все. Женщины постарались, обстановка безупречна.

Иллариандр остается отдыхать на попечении старших Стражей, из тех, которые уже бывали здесь. Нас же, молодых, вызывает командир, Лийт. Проводит по дому и территории, обращает внимание на важные детали, дает возможность ощутить невидимое пространство, освоиться.

Ивен тоже с нами, думаю, не попытаться ли заговорить. Мне ведь императрицу охранять, когда появится, по крайней мере, здесь и в дороге. Часто придется пересекаться. А потом, если добьюсь чести стать ее личным Стражем, то и подавно.

Но Ивен отходит в другой конец, с кем-то беседует. Ладно, успеется еще. Сосредотачиваюсь на объяснениях командира.

— Можете отдыхать, — отпускает нас Лийт. — Вечером мы на приеме. Зрячие в город пойдут, на гулянья. Традиция.

Ноэлия

Тересия открыла окно, нервно теревит в руках трубку, но держится — помнит, что мадам Жанс не любит табачного дыма.

— Не ходила на площадь? — спрашивает.

С чистой совестью качаю головой:

— Нет.

Дышит тяжело, начинает что-то шкрябать на раме.

— Стены им тоже не помеха, конечно, но все-таки. Прямой контакт — это прямой контакт, — бормочет.

— Да кому я там нужна! — отмахиваюсь в очередной раз. Понимаю, волнуется, но как-то слишком уж сильно. — Мадам Жанс, наоборот, говорит — гуляйте, только обещаний не давайте...

— Да у нее самой ветер в голове, — ворчит Тересия.

Приближаюсь, обнимаю, трусь щекой. Решаю сменить тему.

— Я вот все думаю, — вздыхаю, — это ведь такая редкость, когда дети остаются сиротами без всякой родни, и надо же было именно мне в пансион попасть!

Давняя обида шевелится в глубине души, почему так несправедливо? Я ведь даже не знаю, как здесь оказалась, — ни родителей, ничего. Мадам Жанс рассказывала, будто где-то нашли и привели к ней, родственников долго разыскивали, но я абсолютно ничего не помню. Хотя мне было лет восемь, должна бы.

— Всякое бывает, девочка моя. — Тересия гладит морщинистой рукой волосы. — У твоих подружек ведь тоже по-разному сложилось. Ничего, милая, нам бы пережить этот имперский визит, все будет хорошо.

— Переживем! — отмахиваюсь, ну что она заладила?! — А может... на гуляния? Вместе? — рискую.

— Что ты! — машет рукой. — Не вздумай никуда ходить!

— Ну хоть на озеро можно? Оно же совсем в другой стороне!

— Ну что ж тебе не сидится-то, пташка моя! — вздыхает.

— Так они месяц тут будут, если не больше! Что ж мне, вообще из дома не выходить?

— Выходить, конечно, — соглашается Тересия неохотно. Смотрит, словно хочет что-то добавить, но лишь снова вздыхает. — Скорей бы уж императрицу объявили.

— И что? — не могу понять.

— Ничего, девочка, ничего, — задумчиво поглаживает волосы.

Стараюсь не сердиться, она ведь любя!

Дарсаль

— Ну как? — улучив момент, шепчет повелитель.

Еще раз обвожу взглядом нарядный зал — отсветы ламп мельтешат, сбивая восприятие. Стражи постоянно вокруг императора так, чтобы метки образовывали защитные узоры. Слишком много людей: кроме девяти высших леди с мужьями, по-моему, все правительственные семьи собрались, включая дальних родственников. И каждая отрядила парочку девиц на выданье, в надежде что приглянутся Иллариандру.

— Ничего, — отвечаю.

Даже близко нет, мутные ауры в грязных разводах, алчность, корысть, вожделение. Страх, надежда, раздражение.

— А я-то мечтал, что все окажется просто, — посмеивается император.

Как обычно, не вижу его, лишь смазанные отпечатки движений — легкий кивок, призывающий искать дальше. Сомневаюсь, что мы здесь сможем найти императрицу. Завтра Стражи разойдутся по городу в поисках кандидаток, потом специальная охрана из зрячих организует встречи. А уж после моя работа — окончательный выбор.

Жду, когда бесполезный прием наконец закончится. Но это для меня бесполезный, а император и советники заняты решением сопутствующих вопросов — торговля, пограничные дразги и прочие проблемы, обычно обсуждаемые парламентариями на нейтральных территориях. Все это облекается в светские полутона и условности, а Иллариандр между делом успевает еще и пару десятков танцев станцевать. Каждый раз с другой девушкой. Политика.

Нам расслабляться нельзя, постоянно отслеживаем опасность. Зато к концу вечера уже различаю почти каждого из приглашенных и обслуживающих по ауре, соотношу с голосом. Ребята поставили метки на мужчин — здесь их едва ли больше, чем днем в толпе. Почти у каждой леди есть муж. Мужа иметь престижно, невзирая на то, что несколько раз в году мужчины должны отрабатывать — оплодотворять женщин по какому-то очень сложному списку с кучей разрешений. В Йоване тоже плохо с рождаемостью.

Запоминаю претенденток, чтобы повторно не рассматривать, впрочем, император и сам уже понял — здесь нам делать нечего.

Далеко за полночь, под свет Раума провожаем Иллариандра в особняк.

— А последняя ничего, хорошенькая, — шепчет с надеждой. — Совсем не подходит?

— Нет, мой повелитель, — отвечаю с сожалением.

— Ну что за женщины у них тут, — ворчит.

У нас разве лучше? Молчу. Ты бы на свою Шарассу взглянул моими глазами.

Доводим до покоев, у двери стоят другие Стражи. Нас отпускают отдохнуть, только Ивен остается. А мне завтра целый день работать.

Иду в выделенную комнату, наши предшественники в свое время неплохо поработали, все обустроено именно так, как нужно. Притом что за тайны Стражей мы спокойны: никто в мире их не знает. Даже император.

Не успеваю слегка расслабиться, как раздается легкий стук в дверь. Приходится подняться, отворить. Женскую ауру ни с чем не спутать.

— Эр Дарсаль? — произносит гортанно.

Сторонюсь слегка, чтобы зашла. Странно, ни обычного отращения, ни страха, что часто испытывают женщины при виде нас. Особенно непривычные женщины Йована. Закрываю за ней, жду.

— Я Хельта, — представляется, припоминаю, видел на приеме. Какая-то дальняя ветвь младших правительственных семей. Ничего особенного. — Подумала, возможно, вам захочется скоротать вечер?

Учитывая, что знает мое имя и комнату, видимо, за нее «подумали». Проводит пальцами по руке, поднимается к плечу. Синее любопытство, легкое красноватое возбуждение. А, Раум с ним, почему бы не расслабиться!

— Захочется, — соглашаюсь, придерживая омаа.

Кажется, смотрит в глаза. Поднимаю руку провести по лицу, прочитать изгибы, составить портрет. Иначе ведь никак не увижу ее черт.

Прикосновение обжигает — не сильно, так, чтобы омаа дотронулся, обтек, лучше помог в восприятии. Но девушка вздрагивает, вскрикивает, взрыв черного страха. Демон, похоже, ее чем-то опоили. Или сама для храбрости.

Убираю руку, отворачиваюсь.

- Уходи, — говорю глухо, усмиряя взъерившийся омаа.
- Эр Дарсаль...
- Уходи!

Ноэлия

Три дня просидела дома, с тоской глядя то в окно, то на экран. Императора не показывают, только совсем издалека: вроде какие-то запреты у них, из соображений безопасности, да и вообще заснять нельзя, когда он в окружении Стражей. Кадры засвечиваются, лишь пятна неясные.

Девочки, поначалу воодушевленные, приходят домой сердитые и обиженные: слишком мало мужчин приехало, слишком много желающих.

На четвертый день разразился скандал, подняв с кровати ни свет ни заря.

— Я вам что говорила! — гроыхает снизу мадам Джанс. — Нельзя никому ничего обещать, у них печати специальные, как только договор скреплен — не нарушить! До хворей и страшных несчастий доходит!

— Я не скрепляла, — плачет кто-то из девочек, Сирма, кажется. — Он прикоснулся и обжег!

Выглядываю в коридор, натыкаюсь на Алму.

— Что там? — спрашиваю.

— Да тут по району вчера кто-то из Слепых крутился, Сирма где-то услышала, мол, они императрицу помогают выбрать, вот и решила ему понравиться... да мадам Джанс вовремя пресекла.

— Слепые выберут, ага, — хихикаю. — А ты как?

— Идем на пляж, — предлагает тоскливо.

Раздумываю несколько мгновений, соглашаюсь:

— Пошли.

Сколько ж можно дома сидеть? А Алме, похоже, поговорить хочется.

Собираемся наскоро, сейчас каникулы по случаю императорского приезда, потом снова учебой загрузят.

Внизу уже полное примирение, Сирма рыдает на обширной груди мадам Джанс, та ее поглаживает и успокаивает, бросает на нас быстрый взгляд.

— Мы на озеро! — сообщает Алма.

— Там вы мужчин вряд ли найдете, — предупреждает мадам Джанс.

— И к лучшему, — улыбаюсь.

— Да их вообще нигде не найдешь, — сердито отвечает Алма. — Только знатным и достанется, а мы кому нужны.

— Отдохните, мои котятки, — соглашается мадам Джанс, возвращаясь к вразумлению Сирмы.

— Тебе что, совсем неинтересно? Не хочется счастья попытать? — вздыхает Алма, когда выходим за дверь.

— Хочется, — пожимаю плечами. — Но я Тересии обещала. Да и... они ведь потом уедут. А вдруг понравится кто? Вспоминай, переживай...

— А я бы поехала с ним, — мечтательно говорит Алма.

— С кем? — недоумеваю.

— Ну... с кем-нибудь. Сама рассуди, что тут делать, что тут светит? А они ведь свита императора, у них наверняка там и богатство и положение... Не понимаю, что такого-то? Специально так говорят, чтобы мы детей отсюда не увозили, там не рожали, а о нас никто не думает!

— Наверное. — Ее слова зарождают сомнения, вспыхивает почти утихшее желание хоть краешком глаза взглянуть, а вдруг кто-нибудь и в меня влюбится?

Забираемся с Алмой в пустынный уголок, излюбленное местечко, окруженное кустами. Небольшой островок прибрежного песка, чистая водная гладь, парковые беседки с той стороны. Богатые все по берегам реки селятся, там же и особняк для императора, а к нам сюда и не заглядывают, тут парк для простых и незамужних.

Сегодня вообще пусто, все на площади, караулят официальные выходы императора да судачат о неофициальных — мол, переодевается и в толпе бродит. Только не верится что-то.

Купаемся, плещемся, смеемся — но Алма все равно постоянно грустит и о чем-то задумывается.

— Да ладно тебе! — пытаюсь успокоить.

— Я вот все размышляю... уедут, а я так и пропущу свой шанс тут с тобой. Нет, лучше все-таки на площадь пойду!

— Как хочешь! — отвечаю.

— Ты со мной?

— Не знаю... нет, наверное. Не желаю быть одной из многих.

— Что это? — нервно оглядывается Алма в сторону кустов. Оттуда вроде легкий шорох донесся, смотрю туда же. — Показалось... слышала?

— Птица? — предполагаю, вглядываюсь. На сердце нехорошо тянет, холодок по спине, шучу от страха: — Все ждешь, что кто-нибудь из мужчин за тобой прибежит?

— Да ну тебя! — злится Алма и поднимается. — Я тебе как подружке рассказываю, а ты зубоскалишь!

— Я же не в обиду. — Пытаюсь улыбнуться, но Алма одевается, собирается быстро.

Странно, вроде дружно жили, а тут все нервные, злятся, ругаются. Почему так?

Алма уходит, буркнув что-то на прощание, за деревьями долго мелькает пестрый сарафан. Еще раз внимательно оглядываюсь, но вокруг тихо и пусто, никого. Пригреваюсь на солнце, сушу купальный костюм, жаль, книжку не взяла почитать. Вот сюда и буду ходить, здесь так спокойно, все лучше, чем в четырех стенах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дарсаль

— Как она тебе, Дарсаль?

Император отодвигает ветку, но мне не нужно присматриваться. Этот яркий синий свет разливается так далеко вокруг, заполняет все пространство, почти примиряет с необходимостью постоянно разглядывать алчные и глупые языки, скользящие в аурах пустых девиц. Легкий, четкий узор, чем-то похожий на метку, да ведь у женщин меток не бывает. Почти невидимый, но до того правильный и гармоничный...

Едва Марис связался, передал, что наконец нашел ту, которую заметил еще в первый день, отряд зрячих направился на позиции. Но вышло все гораздо проще: девушка одна в парке, где никто не ждет появления императора. Нас сразу вызвали, Иллариандр с неохотой отложил текущие дела, проворчал нечто вроде: «Кто бы мог подумать, что и у них тут с выбором негусто...» Действительно, целый отряд разыскивает подходящих претенденток, чтобы мы с императором издали, тайком на них взглянули, с иными поближе познакомились. То и дело с места срывают — необходимо незаметно вписаться в чужую жизнь и никого не насторожить.

Приходится слушать однотипные разговоры, смотреть реакции, прогнозировать вероятности и не позволять себе ошибок. Осознание важности возложенной миссии придает сил, помогает концентрироваться и работать почти без перерыва, сопоставляя отпечатки и цветовые гаммы, постепенно отсеивая неподходящих, снова и снова проверяя оставшихся.

Кажется, молчу дольше положенного, император нетерпеливо водит ногой по старым сухим листьям.

— Она прекрасна, мой повелитель.

— Прекрасна? Побойся гнева предков, Дарсаль, последняя прислужница в моем дворце красивее. Последняя шляха Бесстыжей Палми.

— Она безупречна, мой повелитель. Ее аура прекрасна.

— У нее зеленые глаза, Дарсаль. Тонкий нос. Бледная, словно у ночной мары, кожа. Ты разве не видишь, Дарсаль?

Зрение Слепых Стражей никогда не было предметом шуток. Но наш император еще слишком молод. А я — сын изменника. Поэтому отвечаю:

— Не вижу, мой повелитель. Я вижу, что ее аура подходит вам.

Зеленый — красивый цвет. Жаль, не увидеть мне этих глаз. Зелень присуща чистоте помыслов. Только у детей бывают ясные чистые цвета омаа.

Легкие отблески тонкого силуэта. Она что, в брюках? Медный блик на ветру. Едва уловимый шлейф цветочной свежести. Она прекрасна. Достойная императрица.

Смотрю, запоминая, чтобы смог потом найти, где бы ни находилась. Если император откажется, возможно, попрошу его милости и сам ее куплю. Правда, женщины Йована почти никогда не соглашаются жить с нами, со Стражами.

— Хорошо. Наблюдай, — приказывает император и выходит из нашего укрытия.

Девушка чуть слышно вскрикивает, вскакивает. Слепое пятно, наложенное Слепым Стражем, не позволяет никому видеть и слышать тех, кто под ним находится.

Ноэлия

Ох, как же неожиданно появился! Вроде только что никого не было, я одна любовалась озером, прячась в тени от ярких лучей, и вдруг... Бросаю взгляд украдкой, все же редкость, особенно для воспитанниц нашего пансиона, видеть так близко мужчину. Да еще такого красивого, нарядно одетого... неужели из приезжих? Ох, Алма, ты за своим шансом на площадь побежала, а он-то ведь где угодно найдет, не спрячешься...

Сердце начинает нервно постукивать, ноги готовы бежать, но почему-то совсем не послушные. Оглядываюсь зачем-то — никого.

— Почему такая красавица скучает в одиночестве?

А голос! А взгляд!

— Ну вы точно из приезжих! — смеюсь. — По местным меркам, я не красавица — ни кожей, ни глазами не вышла.

— По нашим — самая-самая, — уверяет незнакомец, заставляя щеки польщенно розоветь. — Я Алекр, будем знакомы?

— Ноэлия.

Таю. Если бы я мечтала о встрече с женщиной, то, наверное, именно о такой! Ну просто как в сказке! Даже не верится...

— Какое имя! — восхищается Алекр.

Разглядываю тайком. И что в них такого страшного? Очарователен же! Ямочки на щеках, темно-серые глаза — редкость для Йована, у нас все больше черноглазые. И запах, тонкий, что-то будоражащий в душе... Мужской.

— Мне пора, — подхватываюсь, пугаюсь, сердце колотится.

Не знаю, что делать, как быть, и боязно и интересно, словно в бездну проваливаюсь.

— Куда же вы? — останавливает Алекр, слегка коснувшись.

Кожа горит от прикосновения, ощущаю себя совсем глупой. Даже не предполагала, что общение с ними такое... волнующее.

— Я не должна здесь находиться... — бормочу, Тересию вспоминаю.

— Можно проводить вас?

Ох, как же это непривычно, переживательно! Меня! Проводит! Такой красивый! Как его вообще сюда занесло?!

Кажется, вслух недоумеваю, Алекр смеется так светло, искренне.

— Да вот случайно забрел, — говорит.

— А вы... э-э-э... из свиты императора? — спрашиваю, вдруг становясь косноязычной.

Алекр кивает, как-то незаметно пристраивается рядом, начинает рассказывать о поездке, расспрашивать. И так увлеченно слушает — зачем-то выкладываю ему и о мадам Джанс, и о Тересии, и, конечно, о своей заветной мечте — покататься на машине. Или даже на корабле!

Кажется, чуть ли не впервые в жизни рядом человек, который не осуждает мои порывы и словно понимает!

У дороги спохватываюсь, робею.

— Так я пойду, — говорю несмело.

— Когда еще увидимся? — улыбается Алекр лучезарно, и эти ямочки...

Может, зря Тересия боится? Может, не так и ужасно у них там?

— Меня вряд ли выпустят... — бормочу я, все же мужчинами Айо часто нас в детстве пугали. Мол, будете плохо себя вести — заберут в жены.

Ох, как же он на меня смотрит, все колотится внутри, берет руку, подносит к губам, прямо как будто я высшая леди... Прощаюсь сбивчиво, спешу домой, оглядываюсь зачем-то. Не знаю, хочу ли, чтобы за мной пошел, или не хочу... И страшно и сладко так внутри...

Дарсаль

— А она ничего, Дарсаль, — хмыкает повелитель, когда бесшумно приближаюсь сзади. — Неопытна слишком, но это нам на руку, легче будет лепить. Так что скажешь, берем?

— Она подходит вам, мой повелитель.

— Уследишь?

— Конечно, мой повелитель.

— Валтия подучит, может, еще и неплохую императрицу получим. Устроим контрольную встречу, нужно будет вас познакомить. Надеюсь, она хоть в обморок от тебя не грохнется.

Иллариандр посмеивается, довольный собственной шуткой, да и встречей, похоже. А мне его слова неприятно чиркают по сердцу, наверное, в глубине души надеялся, что она ему не подойдет. Осознаю, что тогда скорее всего никогда больше ее не увидел бы. И все равно.

Появляются охранники, незримо следившие за прогулкой своего господина, а сколько остается следить — даже мне не просто сосчитать, хотя знаю каждого.

— Свободны, Дарсаль, — радуется повелитель, хлопает рукой по плечу. Единственный, от кого могу стерпеть подобный жест. Улыбаюсь. Надеюсь, моей службой довольны. — Все, сегодня больше никаких императриц! Сегодня только услужливые и всему обученные служанки! Ты тоже отдохни, Дарсаль. И остальных отзови пока.

— С удовольствием, мой господин. — Склоняю голову по этикету.

Иллариандр идет вперед, слегка отстаю, ожидаю. Если оглянется — это знак догнать, если же нет — уйти и не мешаться под ногами. Всматриваюсь в следы его ауры, которой мне по-прежнему не видно. Вслушиваюсь в шаги. Никакого отголоска движения. Все больше отстаю, пока наконец не оказываюсь со всем один.

Связываюсь со Стражами, занятыми поисками, передаю приказ императора приостановить. По-моему, за эти дни я ментально общался с ними больше, чем за предыдущие годы службы.

Оглядываюсь, город совсем иной, не похож на наши. Такое обилие женских аур и женских запахов привлекает, будоражит. Возможно, среди них найдется хоть кто-нибудь, не считающий нас отвратительными монстрами?

Прикрываю глаза, нахожу ту единственную, ни на кого не похожую. Непроизвольно иду в ее направлении, только успеваю следить за безопасной дорожкой да замечать, как шарахаются прохожие, предпочитая переходить на другую сторону улицы. По-моему, разделяю восторг Ноэлии — машины невероятны. Четкое, жаркое естество, такие точные контуры и взаимодействия. Совершенные двигатели.

Прохожу мимо огороженного здания с большим парком вокруг, присматриваюсь к синей ауре. Удивительно. Ясный, чистый, сильный свет. Никогда похожую не встречал. Теперь это моя ответственность.

Рассматриваю, пока не вспоминаю, что я же свободен. Пока еще свободен. Можно отдохнуть впервые за последние дни. С сожалением смотрю на контуры здания, абсолютно пронцаемые для моего взгляда. Ухожу. Почему-то мелькают картины из детства.

— *Не закрывай глаза, Дарсаль. Впусти в себя свет. Смотри на него и за него!*

— *Больно! — кричу я, рвусь дотянуться до лица скованными руками.*

— *Ты же мужчина. Терпи. Боль пройдет, придет сила.*

Какой идиот придумал называть мужчиной десятилетнего пацана? К маме хочу... верните меня домой!

Что-то настораживает, выныриваю из бесполезных воспоминаний. Сколько раз обещал себе не возвращаться к ним, там ничего, кроме застарелой глухой боли. Сила давно пришла, но наслаждения ею не последовало.

Окидываю мысленным взглядом пространство — обычные человеческие глаза не дают круговой видимости. Зрение Слепого Стража позволяет гораздо больше.

Несколько женщин. Давно уже следуют в некотором отдалении. Сворачиваю, чтобы убедиться, — раз, другой, третий. Они далеко, на пределе обычного взгляда. Но не моего. Сомнений нет, идут за мной.

Ноэлия

Не могу места найти, хожу туда-сюда, сама не знаю, чего хочу. Чтобы снова так же смотрел, прикасался, или наоборот — никогда больше не видеть? Забыть, успокоиться, жить, как раньше. Сердце скачет вниз-вверх и обратно, то озаряя восторгом, то окутывая страхом. Совесть почему-то мучает, хотя ведь я же ничего плохого не сделала! Не выдерживаю, бегу вниз, к единственному телефону, набираю номер Тересии, только бы дома была! Отвечает, а у меня горло перехватило, трубка из рук выпадает...

— Что такое, девочка моя? — Привычный голос слегка успокаивает, всхлипываю.

— Я видела... меня видел... — начинаю.

— Ноэлия, ты ходила на улицу? — Так строго, ноги подгибаются.

Сажусь в кресло.

— Да... — выдавливаю.

— Сейчас буду, никуда не уходи!

Да куда же я пойду. Снова всхлипываю. Как же страшно вдруг сделалось!

Тересия и правда появляется быстро, и мадам Жанс снова пускает ее прямо в комнату — всполошились все. А меня почему-то такой ужас одолел, словно судьбу взяло в руки огромное чудовище и выкручивает как хочет, а мне ничего не остается, только покориться.

— Ну что? — Мадам Жанс не любит дым в пансионе, но Тересия слишком взволнована. Негнуцимися пальцами набивает такийский табак, раскуривает в форточку. — Непослушная моя птичка! Заметили тебя?

— Нет! Он случайно пришел, когда я на берегу сидела.

— Какой он? Опиши! — Отводит в сторону трубку, требовательно заглядывает в глаза.

— Ну... красивый... такой... милый...

— Все они милые до поры до времени, — фыркает Тересия. — Ты слушай-то поменьше, а думай побольше. Один был?

— Один.

— Подумай хорошенько, не было при нем такого... с белыми глазами? Никого не заметила?

— Никого. — Что-то мне так страшно, как и не бывало никогда.

Тересия обнимает, прижимает к себе. Привычный запах лимонной цедры, перемешанный с выдыхаемым дымом, почти

успокаивают. Ведь все будет хорошо, ведь не придется мне ехать никуда?

— Ну, если просто сопровождающий — отстоим, ты, главное, согласишься не давай. А уж если бы сам император... тогда отказать ему нельзя. Та женщина, которую император выбирает, обязана поехать с ним. Это непреложный закон.

— Вряд ли сам император... — Мне уже совсем нехорошо. Вот ведь посидела в одиночестве, на озеро полюбовалась! — Он такой простой... и не слишком раздетый... и без охраны...

— Дали бы боги, — вздыхает Тересия. — Где я тебя потом искать стану?

— Ну, буду императрицей, — шучу от страха, — велю приехать тебя к себе! Или сама в гости приеду.

— Ой, дурочка, не знаешь, что несешь! Да кто тебе даст?

Тересия распахивает окно, нервно выдувает струи дыма, вглядывается в парк, что окружает пансион. Сумерки собираются меж деревьев, все чудятся какие-то фигуры незнакомые...

— Ждешь кого-то? — спрашиваю.

Тересия резко оборачивается, вздрагиваю от неожиданности. Несколько секунд всматривается в глаза, снова вздыхает:

— Нет, что ты.

Да кого она здесь может ждать! Глупости всякие в голову лезут.

Дарсаль

Меняю зрение, задействую больше возможностей, чтобы лучше разобраться. Район вызывает ощущение старинного — витает тут некий особый дух, свойственный предметам, мимо которых проходят десятилетия. Невысокие дома в несколько этажей, утопающие в зелени дворы, и все это залито солнцем. Запахи трав, большинство из которых у нас не растет, животных и птиц. Разнообразии деревьев. Мне нравится Йован, почти вижу настоящую картину.

Их пять. Три идут за мной, хихикают, перешептываются. Молодые, веселые, отчаянные. Страх, интерес, азарт. Среди них одна определенно из местной спецслужбы, бежевый ровный фон — следствие долгих тренировок, темно-синие пятна долга, стяжки самоконтроля. Присматривает за мной, ее страхует еще одна в отдалении, якобы не имеющая отношения к веселой компании. Не первый раз их замечаю, всего шесть

сменщик, Лийт предупреждал, что так будет. Не опасны, пока не увидят опасности во мне.

Насчет последней, пятой, не до конца уверен. Аура стандартная, разве что немного ярче и светлее, возможно, не будь Ноэлии, могла бы стать кандидатурой. Эмоции не бурлят, темные пятна перетекают, но как-то поверхностно, неглубоко, быстро исчезают, сменяются другими. Возраст установить непросто, похоже, немолодая, в хорошей форме. Не сказать, что интерес однозначно направлен на меня, однако идет в ту же сторону.

Прохожу несколько широких дворов, пока наконец не обнаруживаю то, что нужно, — глухой по всем параметрам тупик. Линии взглядов не чувствуются — похоже, даже окна сюда не выходят. Какие-то либо производства, либо склады. Сложно в незнакомом месте, ориентируюсь по ощущениям.

Троица сворачивает, четвертая пока пытается оставаться вне зоны моего видения. Хорошо, что не представляют всех наших способностей. Пытаюсь понять, что же им нужно, в особенности той, которая не сама по себе. То ли ситуация вышла из-под контроля и она пытается присмотреть за девушками, то ли наоборот — должна поближе ко мне подобраться.

Они не боятся, скорее решили, что загнали меня в угол. Разворачиваюсь, усмехаюсь, выпускаю из губ омаа.

Вот теперь пробуждаются черные языки страха — улыбка и взгляд пробирают. Как и всегда.

Девушки останавливаются, переглядываются, не хватает в руках меча — но здесь нельзя его использовать вне защиты императора. Прислушиваюсь.

— Пошли лучше! — шепчет одна.

— Зря мы, что ли... когда второй шанс выпадет... — так же тихо отвечает вторая.

— Вы ко мне? — интересуюсь вежливо, делаю шаг вперед, подбавляя яркости.

Отпечатки тревоги и движения — снова переглядываются.

— Мы хотели... познакомиться! — с легким вызовом выступает вперед та, которая предлагала уйти.

— И узнать, правда ли, что вы оставляете ожоги, или... — Отчетливо вижу скользнувший в землю взгляд, волны розового смущения, фиолетового азарта.

Делаю еще шаг вперед, подбавляю омаа.

— Кто-нибудь из вас готов поехать со мной в Айо? — интересуюсь.

Голос действует мгновенно, а ведь я всего лишь добавил каплю омаа в его вибрацию. Страх, смущение, зарождающееся желание, учащение дыхания. И только та, которая на работе, активирует какое-то скрытое оружие. Думает, не замечаю. Размышляю, усилить ли воздействие или, наоборот, сделать так, чтобы больше не хотелось любопытничать. Но мысли о Ноэлии заставляют поступить иначе. Мне ведь теперь, если повелитель не передумает, быть ее личным Стражем. Нечего всяким агентам таскаться по пятам.

— В случае применения оружия, — предупреждаю, подбавляю свечения, так что омаа достает до всех троих; пока незримо, вызывая лишь дискомфорт, желание еще отступить, — Стражу разрешено использовать свое.

Гнев, раздражение, проблеск боязни. Полагаю, тебя теперь отстранят и, возможно, пересмотрят всю систему слежения. Во всяком случае близко подходить точно не будете.

— Девочки, идемте, — шепчет застигнутая врасплох, в голосе звучит страх — однако в ауре не вижу. Лишь досада.

«Девочки» оборачиваются к ней. Идите-идите, нам не по пути. Хочу подбавить ужаса, но сегодня мой омаа определенно не на то настроен. Ощущаю легкую синеву, старательно возвращаюсь к обычному белому свету. Нельзя оставлять следы, наши мигом вычислят.

— Но он же мужчина... — шепчет первая. — И такой... ничего себе...

Оценивающее разглядывание даже полностью слепой ощутит, добавляю интенсивности, делаю шаг вперед. Разноцветие аур плывет, перемешивается. Помню это почти невыносимое ощущение, еще из детства. Безотчетный ужас, чувство потери, дезориентация...

Девушки визжат, срываются с места, бросаются наутек. Лишь та, которая агент, на секунду задерживается, окидывает меня взглядом. Но решает последовать за ними. Четвертая, наблюдающая на расстоянии, тоже предпочитает удалиться. Слежу за всеми, пока не выходят за пределы моего зрения. Проверяю, как восстанавливаются ауры: еще немного — и вернуться к обычному состоянию. Самую малость перестарался, кое-где появились просветы. Но ненадолго, по опыту знаю. До вечера заполнятся всякой дрянью.

Усмиряю омаа, когда откуда-то сверху летит нечто почти необнаружимое. Как она ухитрилась так близко подобраться? Неужели все эмоции в себя вобрала? Редкое умение, только нам, Стражам, и подвластное.

Пятая. Ищу настройку, перебираю варианты восприятия. Ухожу с линии прыжка, почти не вижу движений, лишь по колебанию пространства определяю. Четкая, быстра, вокруг никого. Концентрирую в руке меч-омаа, может, не нужно было ту, предыдущую, прогонять? Вдруг не смогу доказать, что эта первой атаковала? Не хотелось бы впасть в немилость сейчас, когда все стало налаживаться.

Мысль о том, что к императрице приставят другого Стража, вызывает глухое раздражение, где-то внутри поворачивается клубок ярости. Быстро избавляюсь от лишнего.

— Разговор? — предлагаю ритуальное слово парламентария в любом уголке Ай-Йована.

Женщина не реагирует. Молча, почти неуловимо для моего восприятия приземляется — впитываю ступнями вибрацию земли — и тут же бросается в атаку. Разговора не будет, у нее лишь одна цель — я.

Слишком быстра, слишком скрыта, слишком опасна.

Убираю меч, он здесь лишний, церемониться не собираюсь. Неплохо бы узнать, для чего я ей, еще важнее, почему никто из местных не заметил. Но нет так нет.

Огненным шаром омаа мне доводилось пользоваться лишь на тренировках — все как-то не представлялось случая. Силы скопилось много, желание применить на практике ее удваивает.

Подпускаю ближе, противница полагает, что это заслуга ее скорости, вступает в незримую границу омаа. Замедляется, пытается сделать еще несколько шагов по инерции, замирает. Осознает, дергается назад. Поднимает глаза. Яркая синяя вспышка — преследуют они меня сегодня. Почему-то снова образ будущей императрицы в голове, неуместное желание прикоснуться пальцами, узнать лицо.

Зажигаю шар, нападающую просто сожжет, без остатка.

Она кричит — беззвучно, внутри своей спаянной, горячей ауры. В последний миг окатывает глубокой, пробирающей тоской. Почти нечеловеческой.

«Впусти в себя огонь, Дарсаль. Сгори в нем. Стань им».

Разве не учат вас не связываться со Слепыми Стражами? Даже у нас этому учат всех. Мы безжалостны и непобедимы.

Ослабляю огонь, внимательно осматриваюсь на предмет остатков. Ничего. Еще раз запускаю горящий омаа, чтобы наverka.

Снова все просматриваю. Никого. Ухожу.

Размышляю, сказать ли Лийту, а вдруг не только на меня нападут? Впрочем, каждый из нас способен справиться, не хочу быть первым, кто принесет неприятную весть. Едва ли император станет вмешиваться или конфликтовать с женщинами Йована, а значит, и смысла нет.

Гулять больше не тянет, возвращаюсь в особняк. Присматриваюсь к остальным Стражам, но не похоже, что кого-нибудь из них тоже атаквали. Не хотелось бы связывать нападение с тем, что мне предстоит охранять императрицу.

Однако вокруг все спокойно, никто не проявляет лишнего интереса.

С утра, как и положено, иду к императору. Странное нетерпение, хочется поскорее поехать в этот пансион, найти девушку, приступить к обязанностям.

Но в приемном зале встречает Ивен.

— Император отдыхает еще, — тянет лениво.

— Мне какие-нибудь распоряжения передавал?

— Нет. — Его омаа темнеет на миг, после снова становится белым.

Да что тебе не нравится? Я же твою должность не отбираю!

— Тогда подожду. — Сажусь в одно из гостевых кресел.

Хочу спросить, почему Ивен не с повелителем, но он слишком отчужден. Молчу. Оглядываюсь, охрана на дверях, больше никого. Все метки в порядке.

— Что, — вдруг нарушает молчание Ивен, — действительно подходящую нашли?

Пока идут поиски, личный Страж императора не участвует — такова традиция.

— Действительно, — соглашаюсь. — Сам увидишь... если повелитель не передумает.

— А если передумает? — Ощущаю взгляд, только не могу понять, что хочет узнать.

— Если императору она не понравится, я рискнул бы просить ее для себя. Но выбор императрицы значительно осложнился бы. Редко когда аура остается настолько ясной.

Ивен, кажется, удовлетворен ответом. Конечно, здесь есть доля и его ответственности.

Однако Иллариандр не передумывает, лишь откладывает визит. Появляется в чем-то свободном — домашнем халате, что ли? Расслаблен, доволен — чувствуется, хотя ауры по-прежнему не вижу.

— Сегодня отдыхай, Дарсаль. Завтра поедем, пускай по-нервничает, полезно. Будет ждать, думать обо мне — глядишь, и влюбится, — посмеивается он.

Киваю:

— Как прикажете, мой повелитель.

— Уж замуж-то за день выскочить не успеет, — продолжает шутить Иллариандр.

Улыбаюсь, хотя внутри не до улыбок. Сам не могу понять, что так задевает.

Охрана императора наверняка следит за девушкой, так и хочется связаться, выяснить... да только что выяснять?

До вечера провожу тренировки с омаа — меняю цвета, интенсивность, воздействие, пока не возвращаю себе абсолютное спокойствие, в котором ничто не способно задеть. По большому счету смерть ненормальной, попытавшейся атаковать Стража, тоже не должна задевать. Но не по душе. Надо же, неожиданные эмоции появились именно тогда, когда так важно оправдать доверие императора! Досадую.

Ноэлия

— Придумываешь ты все! — сердится Алма за завтраком. — Я вчера ходила, никого!

Вчера Тересия со мной едва не весь день провела, все в окно смотрела да комнату шагами мерила. Лишь к вечеру успокоилась, ушла — но обещала и сегодня приехать.

— Зачем мне придумывать? — возмущаюсь я, да девочки, кажется, согласны с Алмой.

Обидно! Чуть ли не впервые в жизни нечто интересное, необычное произошло именно со мной, а они не то злятся, не то не верят... Аппетит исчезает. Вяло ковыряюсь в тарелке. Все за столом, нас у мадам Джанс не очень много, одного длинного хватает.

— Почему же он тогда не пришел? — подозрительно спрашивает Алма.

— Откуда я знаю? — пожимаю плечами, якобы безразлично, а на душе тоскливо.

Так приятно было думать, что я ему понравилась...

— Какой смысл мужчине идти туда, где он никого не встретит? Все они были на площади!

— Ладно, — снова пожимаю плечами. — На площади так на площади.

— Я уверена, что никакого Алекра в свите вообще нет! — добавляет еще кто-то.

— Девочки, ну не ссорьтесь! — призывает к спокойствию мадам Джанс.

Так и хочется броситься на поиски, привести им этого Алекра, пусть подтвердит! Понимаю, глупо. Да и где я его найду. И Тересия тут как тут вспоминается...

Какой-то шум на улице, приехал, что ли, кто? На машину вроде похоже, или показалось. Все в окно поглядывают, да дорога с другой стороны, столовая в сад выходит.

— Пойду посмотрю, — встревоженно поднимается мадам Джанс. — Девочки, не ссорьтесь, доедайте!

Она выходит. Я пытаюсь хоть что-то съесть, до обеда ведь кормить не будут. Но настроения совсем нет, снова страхи какие-то шевелятся.

Мадам Джанс возвращается быстро, бледная, встревоженная.

— Ноэлия, это к тебе, — сообщает она.

— Ко мне? — поднимаю глаза с недоумением. — Кто?

— Иди собирайся, — торопит нервно, сумбурно. — Переоденься да приведи себя в порядок. Платье красивое надень! Боже мой. Или нет? Нельзя же заставлять ждать... Ох, как же это?!

— Да кто там? — Сердце сжимается, неужели Алекр нашел? Я ведь рассказала, где живу...

— Чего стоишь! — спохватывается мадам Джанс, какая-то она обалдевшая. — Бегом!

Бегу, какой там порядок, на ходу приглаживаю волосы, перед самым холлом притормаживаю, вспоминаю правила хорошего тона. Выдыхаю, поправляю платье, захожу спокойно. Мадам Джанс сзади что-то говорит, но за стуком сердца не слышу.

Надо же, действительно Алекр! Улыбаюсь, все-таки пришел, значит, я ему правда понравилась! Тут же пугаюсь, бросаю взгляд на телефон, только не буду же бежать звонить?

— Привет, — выдавливаю неловко, приближаясь.

Девочки высыпают следом, оглядываюсь, ну и лица у них! С трудом пресекаю порыв сбежать к себе, запереться и никого не впускать.

— Не ждала? — Какая же у него улыбка, мягкая, обезоруживающая, ямочки эти...

Повожу плечами, сама не знаю, ждала ли.

— Ну что, идем? — предлагает он, будто это давно решенный вопрос. Куда «идем»? Оглядываюсь на мадам Джанс, Алекр сразу отвечает: — Мадам не возражает, я уже спросил.